

УДК 811.161.1.282.2
doi 10.17072/2073-6681-2020-3-41-48

РАСШИРЕНИЕ СЕМАНТИКИ СЛОВ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ «РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР» (на материалах «Лексического атласа русских народных говоров») ¹

Нелли Александровна Красовская

д. филол. н., профессор кафедры русского языка и литературы

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

300026, Россия, г. Тула, просп. Ленина, 125. nelli.krasovskaya@yandex.ru

SPIN-код: 5262-4667

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4260-7620>

ResearcherID: AAC-6806-2020

Статья поступила в редакцию 20.04.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Красовская Н. А. Расширение семантики слов, относящихся к тематической группе «Растительный мир» (на материалах «Лексического атласа русских народных говоров») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 3. С. 41–48. doi 10.17072/2073-6681-2020-3-41-48

Please cite this article in English as:

Krasovskaya N. A. Rasshirenije semantiki slov, odnosyashchikhsya k tematicheskoy gruppe «Rastitel'nyy mir» (na materialakh «Leksicheskogo atlasa russkikh narodnykh govorov») [Extension of the Semantics of Words Relating to the Thematic Group 'Plant World' (on the Material of the 'Lexical Atlas of Russian Folk Dialects')]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 3, pp. 41–48. doi 10.17072/2073-6681-2020-3-41-48 (In Russ.)

Рассматривается семантика лексических единиц, входящих в тематическую группу «Растительный мир». Природа для человека с традиционным мировоззрением является основой для формирования системы взглядов, ценностей, для многочисленных переосмыслений. Автор в качестве материала анализа выбирает не лексикографический источник, а лингвогеографический. Собрание карт недавно увидевшего свет первого выпуска «Растительный мир» «Лексического атласа русских народных говоров» позволяет делать довольно интересные наблюдения. Работа с материалом семантических карт дает возможность не только установить изменения в семантике лексических единиц, но и найти ареалы, которые связаны с употреблением слова в том или ином вторичном значении. В ряде случаев были созданы карты-дубли, которые посвящены только вопросам функционирования лексических единиц в расширительном значении. Обращение к системному анализу карт позволяет установить закономерности в семантических сдвигах лексем, называющих в качестве основного значения факты и явления окружающего мира. Были выявлены семантические сдвиги лексем тематической группы «Растительный мир» в область предметных, локативных и антропоморфных регистров. Подобные примеры расширительного использования слов не являются неожиданными для русского языка. Следует также подчеркнуть, что анализ комментариев и других материалов к картам позволяет определить и особенности сдвигов в семантике. Было установлено, что если наблюдается сдвиг в предметный и локативный семантический регистр, то в основном действуют механизмы метонимии, если в область антропоморфного семантического регистра, то действуют механизмы метафорического переноса. Таким образом, автор приходит к возможности сделать обобщения разных уровней, касающиеся как привлечения материалов карт для анализа расширения семантики слов, так и самих особенностей вторичных номинаций у лексем, относящихся к тематической группе «Растительный мир».

Ключевые слова: тематическая группа; диалекты; лингвистическая карта; лингвогеография; лексический атлас; ареал; семантика; метафора; метонимия; русская лексика; переносное употребление слова.

Мир природы, воспринимаемый человеком, на протяжении тысячелетий существовавшим в неразрывной связи с ней, становится базой для постижения и отражения в языке иных сторон жизни. Природа понимается человеком настолько глубоко, что названия природных явлений расширяются до номинации совершенно иных сторон жизни.

Сложно и полно мир природы и его потенциальные возможности репрезентирован в диалектной картине мира. Это неудивительно, так как носителями диалектов до сих пор в основном являются люди, проживающие в сельской местности или проживавшие там довольно длительное время.

О том, что лексика природы имеет широкое использование в разных сферах человеческой деятельности, является базой для формирования вторичных и переносных значений, неоднократно говорили ученые-лингвисты. Эта связь подчеркивается в самых разных исследованиях последних лет. Так, например, О. В. Протапопова, рассматривая лексику природы в системе языковой культуры, утверждает: «Семантический объем диалектного слова тематической группы «Растительный мир» представляет собой многоплановую структуру: 1) прямое обозначение (наименования реалий, свойств); 2) дополнительные свойства и потенциальные возможности при поэтизации в тексте; 3) мифологическая семантика; 4) символическая семантика» [Протапопова 2004]. Лексика природы неоднократно становилась предметом рассмотрения в работах В. Б. Колосовой, которая видит в наименованиях растений тесную связь с легендами, традициями, ритуалами [Колосова 2010]. О том, что мир природы может становиться базой для регионального ономастикона, при этом концентрируя в себе целый ряд глубинных смыслов, в ряде работ отмечали Т. А. Агапкина, Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова: «ИС (имя собственное. – Н. К.) в тексте, как хорошо известно, генерируют разнообразные эстетические смыслы. Допустим, река, фигурирующая в одной из отсушек, названа *Рогозой* (*Рагозой*) – от обозначения болотного растения *рогоз*. Этот фольклорный топоним помогает создать образ нужного для отсушки ландшафта, связанного с изображаемым в тексте персонажем – чертом, а кроме того, участвует в формировании звуко-символики заговора» [Агапкина, Березович, Сурикова 2018: 66].

Подчеркнем, что в диалектной речи мир природы выглядит очень развернутым, он порождает целую совокупность связей. Пересечения наименований явлений природы и явлений, относящихся к иным тематическим группам, не хаотичны, они образуют довольно отчетливые, си-

стемные связи. При работе с большими и сложными лексическими континуумами, будь то словарь, атлас, лексический корпус, в которые входят единицы разных тематических групп, важно не отходить от принципа системности. Так, говоря о возможностях организации лингвогеографических материалов, Т. И. Вендина подчеркивает: «Учет системообразующих связей лексических единиц, в свою очередь, предполагает выявление семантической структуры как отдельного слова, так и лексико-семантических групп, выделения тематических групп, семантических микрополей, словообразовательных гнезд и т. д.» [Вендина 2013: 106].

Для рассмотрения лексических единиц, используемых в переносном значении, в иных смысловых регистрах, чаще всего привлекают лексикографические источники. Мы же в рамках данной статьи обратимся к анализу материала лингвогеографического источника, а именно к недавно изданному «Лексическому атласу русских народных говоров» (ЛЯРНГ, далее Атлас. – Н. К.). Материалы карт ЛЯРНГ (Том 1. Растительный мир) являются довольно показательными не только для анализа особенностей употребления слова в том или ином значении, но и для рассмотрения ареалов распространения лексемы, имеющей определенную семантику. В комментариях к картам, в иллюстративной базе можно наблюдать системное рассмотрение как семантической структуры одного слова, так и возможности его вхождения в иные лексико-семантические образования. В данном случае мы обращаемся к материалам Атласа, чтобы показать, как последовательно лексемы, называющие факты природы, именуют и иные явления человеческой жизни. Уже неоднократно лингвисты отмечали потенциальную возможность материалов Атласа служить базой для проведения исследований в рамках различных научных парадигм и направлений (см. об этом подробнее в работах Т. И. Вендиной [Вендина 2009], А. С. Герда [Герд 2009], Л. Я. Костючук [Костючук 2011], Н. А. Красовской [2019] и мн. др.).

Напомним, что программа Атласа содержит вопросы как лексического характера, так и семантического. Для достижения поставленной цели мы обращаемся к семантическим вопросам, они предполагают в качестве ответа получение информации о том, в каком значении употребляется та или иная лексема. В целом надо отметить, что большинство семантических вопросов содержат ответы не только так называемого природного регистра, но и предметно-бытового и антропоморфного. Приведем конкретные примеры.

При анализе семантической карты (СМ) Атласа «Употребляются ли и в каких значениях

названия совокупности деревьев одной породы типа *березьё, дубьё, ельё..?*» в комментарии мы выявили следующее: «Слова типа *дубьё* могут развивать и переносные метафорические значения. Примечательно, что эти значения возникают только у слова *дубьё*, так как у слов *березьё, ельё* и других подобных значений не обнаружено. Коннотации слова *дуб* в русском языке настолько сильны, что проявляют себя в следующих переносных значениях: а) 'высокие молодые парни': метафорическое значение возникает по ассоциации с крепостью дуба и его высотой. Оно образует компактный ареал на северо-западе России (вологодские и архангельские говоры); б) 'глупый человек': переносное значение мотивировано крепостью древесины дуба, ассоциирующейся с косностью ума человека. Это значение отмечено в пермских говорах, а также в говорах Краснодарского края» [ЛАРНГ 2017: 287]. Комментарий к карте сопровождается следующими иллюстрациями: «*Придут на беседу, мы так и говорим: «Эко дубьё пришло» [о парнях]... Сыновья-ти как дубьё...*» [там же]. Данные карты свидетельствуют о довольно распространенном явлении во многих языковых системах, связанном с использованием фитонимов и их производных для называния людей. Интересно подчеркнуть, что использование слова *дубьё* в значениях 'высокие молодые парни', 'глупый человек' имеет довольно очерченный ареал и характерно для севернорусских говоров.

Сдвиг значения фитонима в антропоморфную сферу наблюдается и в материалах к семантической карте «Употребляется ли и в каких значениях слово *деревина?*». Комментарий к карте позволяет установить: «В антропоморфный семантический регистр с центральной семой 'человек' входят следующие значения: 'рослый, крепкий человек', 'молчаливый человек', 'неповоротливый, неуклюжий человек', 'глупый человек'... В антропоморфном семантическом регистре выделяется значение 'рослый, крепкий человек'» [там же: 309]. Иллюстративный материал подтверждает данные составителей карты: «*Кузнец у нас был дядь Вася, ох и здоров, подковы гнул руками. На Маслену в кулачках всегда дрался, никто его не бивал никогда. Такой деревина, что не дай Боже ... Вот ведь деревина несговорчивая, вымахал верзила, а ума чуть... Отец у меня был здоровущий, так мужики его деревинкой звали...*» [там же]. Употреблению указанной лексемы с антропоморфной семантикой посвящена карта-дубль. Ее материалы свидетельствуют, что приведенные выше антропоморфные значения покрывают всю картографируемую территорию, при этом не образуя четких ареалов.

Закономерность в расширении семантики единиц, относящихся к тематической группе «Растительный мир», можно видеть и в использовании в русских говорах слова *бересто́*. Так, карта СМ Атласа «Употребляется ли и в каких значениях слово *бересто?*» свидетельствует о том, что в основе «лежит противопоставление нескольких значений этой лексемы: 'кора березы, береста', 'лыко', 'бумага', 'письмо'» [там же: 353]. Указанные выше значения сопровождаются иллюстрациями: «*Я на бересто не умею писать. Я неграмотная... Мы на бересто писали, а еще плели лапти... Точно не знаю, вроде как писали на бересто... Бересто пришло... А бересто, раньше писали на ней, очень давно это было*» [там же]. В данном случае мы наблюдаем перенос иного типа, связанный больше не с метафорической основой, а с метонимической. Действительно, фитонимическая лексика довольно часто дает примеры того, что лексемы обозначают как растения, так и предметы, сделанные из растительного, природного материала. В данном случае использование рассматриваемой лексемы в предметном значении имеет прекрасно очерченный ареал: это территории среднерусских и южнорусских говоров, за исключением одного пункта (архангельские говоры). На территории северных говоров слово *бересто́* в предметном регистре не используется.

Лексемы *зель* и *зельё*, по данным ЛАРНГ (карта СМ «Употребляются ли и в каких значениях слова *зель* и *зельё?*»), могут обозначать не только факты растительного мира, но и «'напиток', 'заговорённый напиток', 'травяной отвар', 'лечебный настой', 'лекарство', 'отрава', 'алкоголь'. Сема 'человек' объединяет значения 'злой человек', 'бойкий человек', 'беспутный человек' и др. ...К этой группе значений примыкают этические значения, относящиеся к человеку... Это такие значения, как 'бойкий человек', 'грубый, сердитый человек', 'высочка', 'плохой человек', 'беспутный человек'» [там же: 577]. Иллюстрируют указанные значения следующие примеры: «*Что за зель ты мне налил!.. Так говорят, когда кого-то ругают, ну и зелье же ты, говорят... Если кто кому злое что сделал, то назовут зелье...*» [там же]. Надо отметить, что использование данных лексем в значениях 'напиток' покрывает практически всю картографируемую территорию, а вот в значении 'человек' используется в основном на территории севернорусского наречия, причем отмечаются точечные ареалы.

Остановимся на СМ карте Атласа «Употребляются ли и в каких значениях слова *обабок, обабка?*». В комментарии отмечается: «В предметный семантический регистр входят такие значения, как 'маленький сноп', 'укладка сно-

пов' и 'укладка льна', которые объединяет сема 'сложенные вместе стебли растений'. Единичные значения предметного семантического регистра 'сноп', 'большой сноп', 'пышный блин'... В антропоморфном семантическом регистре центральной является сема 'человек'. Она объединяет следующие значения: 'маленький человек', 'болезненный полный человек', 'ленивый человек', 'пьяный человек', 'неуклюжий человек', 'уставший человек', 'старый холостяк'» [ЛЯРНГ 2017: 595]. Некоторые из указанных значений иллюстрируются следующим: «*Ой, какой обабок получился... Сидит раскислый, как обабок* [о человеке]... *Большой сноп называется обабком, а маленький – бабкой...*» [там же]. На карте-дубле, которая посвящена репрезентации указанных слов в антропоморфном и предметном кодах, отмечено, что в предметном значении рассматриваемые лексемы используются на всей картографируемой территории, а в антропоморфном регистре употребление фиксируется на территории среднерусских и севернорусских говоров, ареалы в основном довольно разреженные.

Хотелось бы обратиться еще к одному примеру. СМ карта «Употребляется ли и в каких значениях слово *дерюга*?» свидетельствует, что основная семантика указанной лексики сосредоточена в области предметного кода: 'предмет материальной культуры' ('грубый холст', 'грубая плохая одежда', 'старая, рваная одежда', 'тряпье', 'мешок', 'покрывало' и др.) [там же: 393]. Можно в данном случае говорить о том, что более частотным является употребление слова во вторичном значении. Это значение представлено на всей картографируемой территории. Использование указанной лексики в значении 'человек' ('человек, который громко говорит', 'забияка', 'разиня', 'неповоротливый человек' и др.) отмечается в курских говорах, на востоке картографируемой территории и в говорах центра, но в виде точечных ареалов. Как фитоним данное слово известно на западе, севере и в центре картографируемой территории.

Эти довольно удачные и убедительные примеры из вышедшего первого тома ЛЯРНГ необходимы для того, чтобы показать, что расширение семантики лексем, относящихся к тематической группе «Растительный мир», происходит довольно регулярно. Возможность обратиться к материалам Атласа позволяет в ряде случаев выявить ареал использования лексем во вторичном значении.

В основном расширение использования происходит за счет употребления лексем названной тематической группы для обозначения фактов, явлений, связанных с человеком, т. е. относящихся к антропоморфному семантическому регистру.

Следует также отметить, что помимо антропоморфного регистра довольно отчетливо прослеживается возможность использования указанных лексем для обозначения предметного мира.

Кроме этого, лексика растительного мира, как показывают некоторые карты Атласа, не только может использоваться для обозначения названий трав, деревьев, кустарников, т. е. растений, но и может осуществляться сдвиг значения лексических единиц в сторону названий ландшафтных и близких к ним реалий. Оговоримся, что мы не принимаем во внимание семантику, связанную с местом, на котором произрастают те или иные растения. На наш взгляд, это совсем близкий факт метонимического переноса, который связан с понятием растения вообще или с разновидностями конкретных значений.

Например, лексемы *вы́скорь*, *вы́скирь*, *выс-корняк*, *вы́скорье*, *высока́рник*, как показывает СМ карта, могут употребляться в значении 'старообрядческое кладбище', правда, оно фиксируется только в одном пункте среднерусских говоров. Однако имеется иллюстрация, которая подтверждает использование слова *выскирь* в указанном значении: «*Далеко в лесу у нас заброшенный вы́скирь есть* [старообрядческое кладбище] (п. 433)» [там же: 162]. Полагаем, что такое употребление слова можно отнести к антропоморфной семантике, потому что хотя и указывается место, но это место связано с человеком, существованием его после смерти.

Помимо этого, обращает на себя внимание СМ карта «Употребляются ли и в каких значениях слова *дубрава*, *дуброва*?». Для более наглядной репрезентации материала была разработана карта-дубль, которая и посвящена использованию слова в переносных значениях. Так, лексемы *дубра́ва*, *дубро́ва* могут иметь значения 'поляна в лесу', 'опушка леса', 'лесной покос', 'деревня, хутор', 'название деревни'. В комментарии к карте отмечено: «Значение 'деревня', 'деревня в лесу', 'хутор' является довольно редким и встречается в некоторых пермских, владимирско-поволжских и донских говорах» [там же: 28]. Указанная семантика связана с репрезентацией места, однако оно может быть в большей или меньшей степени связано с человеком, например, 'лесной покос', 'деревня, хутор', 'название деревни' – эти значения в определенной мере отражают деятельность человека и особенности его поселения, а 'поляна в лесу', 'опушка леса' – эти значения относятся в большей степени к названиям природных или ландшафтных реалий. Мы не можем не согласиться с авторами карты, которые пишут: «Ареалогический анализ картографируемых лексем проливает свет на общее направление их семантической эволюции:

‘лес’ → ‘лиственный лес’ → ‘видовые названия леса’ → ‘трава’ → ‘место для покоса’ → ‘селение’. Таким образом, ареалы значений этих слов позволяют определить основные тенденции их развития» [ЛАРНГ 2017: 28].

С обозначением места связаны некоторые значения слов, представленные на семантической карте, которая отвечает на вопрос «Употребляются ли и в каких значениях слова *голомя*, *голомень*, *голомьё*?». Представленные лексемы, согласно материалам карты, могут иметь такие вторичные значения, как ‘гололед’, ‘открытое море’, ‘выгоревшее место’. В комментариях к карте сказано: «Значение ‘открытое море’ представлено в поморских говорах. Кроме того, единичные фиксации отмечены в Ивановской и Волгоградской областях, а также в русских говорах Башкирии. Значение ‘гололед’ зафиксировано в южнорусских курских, рязанских, донских говорах, а также в русских говорах Республики Марий Эл. Значение ‘выгоревшее место’ также локализуется в южнорусском наречии (в воронежской и курско-орловской группах говоров)» [там же: 327]. Заметим, что локативный семантический регистр довольно широко представлен в общем перечне значений данных лексем.

Мы рассматривали выше значения слова *дерюга* и отмечали, что среди семантической картины данной лексемы превалирует предметный семантический код. Однако данная лексема имеет довольно развернутую локативную семантику, в которой присутствует, например, ‘безлесное место’, ‘небольшая поляна’, ‘пашня’, ‘участок вырубленного леса’. С приведенной выше семантикой слово *дерюга* употребляется довольно широко: на северо-востоке, востоке, в центре и на юго-западе картографируемой территории.

В большом объеме семантика места представлена у слова *гарь*. Этой лексеме посвящена семантическая карта «Употребляется ли и в каких значениях слово *гарь*?». Слово обозначает различного рода места (‘выгоревшее, выжженное место в лесу’, ‘выжженное, выгоревшее место в поле’, ‘место в лесу, расчищенное для сенокоса’), а также разнообразные явления природы, органические соединения, продукты горения (‘лесной пожар’, ‘дымка, мгла от зноя’, ‘дым от пожара’, ‘угарный газ’, ‘сажа’). Нельзя не отметить, что данные значения распространены на всей территории бытования слова, особенно часто встречается локативное значение, которое практически полностью дублирует распространение значения ‘горелый лес’. Примеры иллюстрируют высокую степень распространения локативного значения: «*Когда место в лесу выжжено – гарь зовём. Что ведь выгорит, что выжгут – всё едино гарь говорят (п. 24)... Гарь –*

это горелое болото. У нас гарь в лесу есть. Торф горел и лес, гарь осталась. Таких мест у нас много. Торф-то горит, и на том месте образуется гарь (п. 433)» [там же: 408].

Подытоживая рассмотрение материалов семантических карт первого выпуска ЛАРНГ «Растительный мир», можно сделать многочисленные выводы.

Во-первых, можно с уверенностью констатировать, что атласы, лингвогеографические источники являются прекрасной базой для проведения исследований, связанных с определением изменения семантики отдельного слова или группы слов.

Во-вторых, системное представление материала, с которым мы сталкиваемся в картах ЛАРНГ, позволяет делать выводы о систематических фактах, которые наблюдаются в связи с развитием у лексических единиц одной тематической группы новых или иных значений.

В-третьих, анализ совокупности лексикографического материала дает возможность утверждать, что карта помогает при ее внимательном прочтении и анализе видеть развитие семантики слова, проследить в том числе и в ареальном аспекте изменение значения слова.

Вместе с тем анализ лексем, относящихся к тематической группе «Растительный мир», позволяет утверждать, что в абсолютном большинстве случаев наблюдается расширение семантики за счет появления у слова локативного, предметного и антропоморфного значений. Подобное изменение значений слов тематической группы «Растительный мир» является довольно традиционным и закономерным. Локативная и предметная семантика в большинстве случаев формируется на основании метонимического переноса: растение (совокупность растений) → место; растение (совокупность растений) → предмет. Антропоморфная семантика формируется в большинстве случаев на основании метафорического переноса: растение (совокупность растений) → человек. В некоторых случаях расширение значения ощущается как более сложное: растение (совокупность растений) → место для человека.

В целом, можно говорить о том, что анализ данных ЛАРНГ свидетельствует о многообразных возможностях использования лингвогеографического материала при проведении научных изысканий.

Примечание

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008). Название проекта: «Символика русских и болгарских вербальных текстов культуры».

Список литературы

Агапкина Т. А., Березович Е. Л., Сурикова А. Д. Топонимия заговоров Русского Севера. I: моря и реки // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15, № 1. С. 65–114.

Березович Е. Л., Кучко В. С. Менять шило на мыло: диалектологический комментарий к фразеологизму // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 5–14. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-5-14.

Вендина Т. И. К вопросу о диагностических возможностях карты // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009. СПб.: Наука, 2009. С. 7–30.

Вендина Т. И. Лексический атлас русских народных говоров и принцип системности в лингвогеографической проекции лексики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 102–119.

Герд А. С. Лексический атлас русских народных говоров. Антиномии. Антиномия III: карта - слово – варианты // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009. СПб.: Наука, 2009. С. 49–52.

Колосова В. Б. Этноботанические заметки. II. Подорожник. Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. СПб.: Наука, 2008. С. 467–479.

Колосова В. Б. Этноботанические заметки. IV. Цикорий // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010. СПб.: Наука, 2010. С. 284–293.

Костючук Л. Я. Проблема традиции и нового в практике лингвогеографии (сбор, обработка, хранение, публикация материалов на примере Лексического атласа русских народных говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. СПб.: Наука, 2011. С. 9–18.

Королькова М. Д., Сухачев Н. Л. Рассказ о ремесле как относительно устойчивый речевой жанр (к постановке проблемы) // Дискурс профессиональной коммуникации. 2019. Т. 1, № 3. С. 84–92. doi 10.24833/2687-0126-2019-1-3-84-92.

Красовская Н. А. Диалектная лексика современных говоров как показатель сложности их внутренней организации // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 4. С. 16–21. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-16-21.

Красовская Н. А. Лексический атлас русских народных говоров: пересечение лингвистических подходов и парадигм // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия:

Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2. С. 135–140.

Лексический атлас русских народных говоров (ЛЯРНГ): Т. 1. Растительный мир. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 736 с.

Мызников С. А. О некоторых наименованиях уборки и обработки льна финно-угорского происхождения // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. СПб.: Наука, 2011. С. 96–113.

Протапонова О. В. Лексика природы в системе языковой культуры: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Тамбов, 2004. URL: <http://chelovek-nauka.com/leksika-prirody-v-sisteme-azykovoy-kultury#ixzz68kdJoy1q> (дата обращения: 15.12.2019).

Русинова И. И. Названия травы душица обыкновенная в пермских говорах (на материале словарей) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. СПб.: Наука, 2011. С. 358–365.

Флягина М. В. Наименования черемухи в русских говорах (ареально-этимологический аспект) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010. СПб.: Наука, 2010. С. 378–383.

References

Agapkina T. A., Berezovich E. L., Surikova A. D. Toponimiya zagovorov Russkogo Severa. I: morya i reki [Toponyms of the charms of the Russian North. I: Seas and rivers]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2018, vol. 15, issue 1, pp. 65–114. doi 10.15826/vopr_onom.2018.15.1.004 (In Russ.).

Berezovich E. L., Kuchko V. S. Menyat' shilo na mylo: dialektologicheskii kommentariy k frazeologizmu [Menyat' shilo na mylo <Exchange an awl for soap> ('Trade bad for worse'): Dialectological commentary on the idiom]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 3, pp. 5–14. doi 10.17-072/2037-6681-2017-3-5-14 (In Russ.).

Vendina T. I. K voprosu o diagnosticheskikh vozmozhnostyakh karty [On diagnostic capabilities of maps]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009, pp. 7–30. (In Russ.).

Vendina T. I. Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov i printsip sistemnosti v lingvogeograficheskoy proektsii leksiki [The lexical atlas of Russian folk dialects and the principle of consistency in the linguogeographic projection of vocabulary]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research)].

St. Petersburg. Nestor-Istoriya Publ., 2013, pp. 102–119. (In Russ.).

Gerd A. S. Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Antinomii. Antinomiya III: karta – slovo – varianty [Lexical atlas of Russian folk dialects. Antinomies. Antinomy III: map – word – options]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009, pp. 49–52. (In Russ.).

Kolosova V. B. Etnobotanicheskie zametki II. Podorozhnik [Ethnobotanical notes II. Plantain]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 467–479. (In Russ.).

Kolosova V. B. Etnobotanicheskie zametki. IV. Tsikoriy [Ethnobotanical notes. IV. Chicory]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 284–293. (In Russ.).

Kostyuchuk L. Ya. Problema traditsii i novogo v praktike lingvogeografii (sbor, obrabotka, khranenie, publikatsiya materialov na primere Leksicheskogo atlasa russkikh narodnykh govorov) [The tradition versus the new in the practice of linguogeography (collection, processing, storage, publication of materials through the example of the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 9–18. (In Russ.).

Korol'kova M. D., Sukhachev N. L. Rasskaz o remesle kak odnositel'no ustoychivyy rechevoy zhanr (k postanovke problemy) [Craft story as a relatively stable speech genre (statement of the problem)]. *Diskurs professional'noy kommunikatsii* [Professional Discourse & Communication], 2019, vol. 1, issue 3, pp. 84–92. doi 10.24833/2687-0126-2019-1-3-84-92 (In Russ.).

Krasovskaya N. A. Dialektnaya leksika sovremennykh govorov kak pokazatel' slozhnosti ikh vnutrenney organizatsii [Vocabulary of modern dialects as an indicator of their complex internal organization]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University

Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 4, pp. 16–21. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-16-21 (In Russ.).

Krasovskaya N. A. Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: peresechenie lingvisticheskikh podkhodov i paradigm [Lexical atlas of Russian folk dialects: Intersection of linguistic approaches and paradigms]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsyalnye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Herald. Series: Humanities and Social Sciences], 2019, issue 2, pp. 135–140. (In Russ.).

Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (LARNG) [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, vol. 1. Rastitel'nyy mir [Plant world]. 736 p. (In Russ.).

Myznikov S. A. O nekotorykh naimenovaniyakh uborki i obrabotki l'na finno-ugorskogo proiskhozhdeniya [On some denotations of harvesting and processing flax of the Finno-Ugric origin]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 96–113. (In Russ.).

Protapopova O. V. Leksika prirody v sisteme yazykovoy kul'tury: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Vocabulary of nature in the system of linguistic culture: Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Tambov, 2004. Available at: <http://cheloveknauka.com/leksika-prirody-v-sisteme-yazykovoy-kultury#ixzz68kdJoy1q> (accessed 15.12.2019). (In Russ.).

Rusinova I. I. Nazvaniya travy dushitsa obyknovennaya v permskikh govorakh (na materiale slovary) [The names of the grass oregano common in Perm dialects (based on the materials of dictionaries)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 358–365. (In Russ.).

Flyagina M. V. Naimenovaniya chermukhi v russkikh govorakh (areal'no-etimologicheskii aspekt) [The names of the bird cherry in Russian dialects (areal and etymological aspect)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 378–383. (In Russ.).

**EXTENSION OF THE SEMANTICS OF WORDS
RELATING TO THE THEMATIC GROUP ‘PLANT WORLD’
(on the Material of the ‘Lexical Atlas of Russian Folk Dialects’)**

Nelli A. Krasovskaya

Professor in the Department of Russian Language and Literature

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

125, prospekt Lenina, Tula, 3000026, Russian Federation. nelli.krasovskaya@yandex.ru

SPIN-code: 5262-4667

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4260-7620>

ResearcherID: AAC-6806-2020

Submitted 20.04.2020

This article discusses the semantics of lexical units included in the thematic group ‘Plant World’. For a person with a traditional worldview, nature is the basis for the formation of a system of views, values, for numerous rethinking. The material for analysis in the article is provided not by a lexicographic source but by a linguo-geographical one. A collection of maps of the recently published first issue of *The Plant World* of the *Lexical Atlas of Russian Folk Dialects* allows us to make rather interesting observations. Work with the material of semantic maps makes it possible not only to establish changes in the semantics of lexical units but also to find areas that are associated with the use of a word in one or another secondary meaning. In some cases, there were created duplicate maps devoted solely to the functioning of lexical units in extended sense. Systemic analysis of maps makes it possible to identify patterns in the semantic shifts of lexemes denoting facts and phenomena of the world around as the main meaning. There have been revealed semantic shifts of lexemes from the thematic group ‘Plant World’ to the field of subject, locative and anthropomorphic registers. Such examples of the extensive use of words are not unexpected for the Russian language. It should also be emphasized that the analysis of comments and other materials accompanying maps allows us to establish the features of shifts in semantics. It has been determined that a shift to the subject and locative semantic register is mainly associated with metonymy mechanisms, while a shift to the area of the anthropomorphic semantic register – with the metaphorical transfer mechanisms. The author draws conclusions concerning both the use of map materials for analyzing the extension of semantics and the features of secondary nominations in lexemes belonging to the thematic group ‘Plant World’.

Key words: thematic group; dialects; linguistic map; linguogeography; lexical atlas; area; semantics; metaphor; metonymy; Russian vocabulary; figurative use of words.